

Слово «очень» и его синонимы

Как известно, среди интенсификаторов наиболее многочисленна группа слов со значением «большая степень признака». «Возглавляет» эту группу наречие *очень*, а относятся к ней такие слова, как *весьма*, *крайне*, *на редкость*, *удивительно* (интересный), *глубоко* (человечный), *ужасно/страшно* (скучный) и др. Е. Кржижкова в работе «Количественная детерминация прилагательных в русском языке (лексико-синтаксический анализ)» («Синтаксис и норма». — М., 1974) отмечает, что в ряду синонимов слова *очень* есть специализированные показатели: их сочетаемость «обусловлена наличием особых дистинктивных [различительных. — Е. Я.] признаков, сопутствующих наличию основного признака + [большая степень]». Так, наречие *глубоко* применимо лишь к ограниченному кругу явлений (этических характеристик): *глубоко религиозный /образованный/ убежденный... человек*.

Кроме того, интенсификаторы различаются стилистически; ср. «разговорность» таких синонимов наречия *очень*, как *ужасно*, *страшно*, *сильно*, *адски*. Вопрос о стилистической принадлежности того или иного слова не всегда решается однозначно. Возьмем, к примеру, такое наречие, как *весьма*. В толковых словарях современного русского языка (напр., в Словаре С. И. Ожегова) *весьма* описывается как книжный синоним наречия *очень*. О чем говорит данная словарная помета? Говорит ли она о социальной/возрастной характеристике лица, в чьем речевом обиходе есть это слово? Или, может быть, «книжность» подразумевает тяготение слова к какому-то определенному функциональному стилю, например научной **речи**, речи **в** официальной обстановке и под.? Тогда как интерпретировать появление «книжного» *весьма* в таком, скажем, контексте:

В МХАТе было производственное совещание. Сахновский, в присутствии большого числа актеров, произнес речь *весьма завирального* характера... (Е. Булгаков а ко в а)?

С другой стороны, почему и в условиях «книжного» контекста *очень* не всегда поддается замене на «книжное» *весьма*? Приведем пример из учебника, где употребление *весьма* вместо *очень* было бы некорректным:

Будем условно считать, что если у звука одна из формант лежит близко к «центру» речевого спектра... а другая не отстоит от нее *очень* (плохо: *весьма*) *далеко*, то звук компактный. (М. Панаев).

Наблюдение за «языковым поведением» интенсификаторов позволило установить, что механизм их употребления определяется не только — и не столько! — фактором стилистической принадлежности того или иного слова. Наш языковой выбор обладает в этом случае более глубокой (не очевидной без специального лингвистического исследования) семантической мотивацией. О характере и причинах этой мотивации и пойдет речь в настоящей статье.

Начнем с общего противопоставления в ряду интенсификаторов: в отличие от нейтрального *очень* остальные наречия «чувствительны» к модальному плану высказывания — употребимы только в реальной «модальной перспективе», Можно сказать (в условно- гипотетическом плане): *При очень тщательной подготовке успех гарантирован* и нельзя: **При весьма /удивительно/ на редкость тщательной подготовке успех гарантирован*. Можно сказать: *Он очень /весьма/ на редкость/ необычайно обаятелен*. В ирреальной же «модальной перспективе» употребление слов *на редкость, весьма* и др.исключено, ср. некорректность фраз типа: **Вряд ли он весьма/на редкость обаятелен*. Можно сказать и *очень назойливо*, и *весьма назойливо*, но с отрицанием употребление *весьма* невозможно, ср.: *Не будет очень (*весьма) назойливым, если мы позвоним ему*. Сказанное справедливо и для других интенсификаторов: все эти «словарные соседи» наречия *очень* не употребляются при отрицании. Так, сочетание *не весьма* воспринимается сейчас по крайней мере как ненейтральное. У Б. Зайцева, например, соответствующее употребление выглядит нарочито архаично:

Старик *не весьма* был доволен, что его прервали. («Голубая звезда»). Указанное свойство наречий *весьма, крайне, на редкость* и др., которое мы будем называть «модальной отмеченностью», определяется наличием в семантике этих слов скрытой модусной (т. е. отражающей условия речевой ситуации) характеристики «знакомство говорящего с предметом речи». «Знакомство» понимается широко — как наличие у говорящего достоверной с его точки зрения информации о предмете речи, полученной с помощью собственного опыта или из надежного источника. Наличие у слова характеристики «знакомство» задает модальную координату его употребления: такое слово в принципе не может быть использовано, когда речь идет о чем-то еще не существующем или неосуществимом вообще (т. е. в ситуации отсутствия «знакомства»),— в тех случаях, когда предмет речи не обладает статусом реального существования (в гипотетических, ирреальных контекстах, в сфере действия отрицания, в конструкциях умозаключений и логического вывода). Как показывает анализ, лексика русского языка — и полнозначная, и не-полнозначная — пронизана неявными указаниями на наличие у говорящего предшествующего опыта, связанного с предметом описания. Различие в ряду интенсификаторов по указанному параметру является лишь частным случаем.

Характеристика «знакомство» говорит о том, что выражаемая интенсификатором оценка принадлежит автору высказывания, а это в свою очередь накладывает дополнительные ограничения на употребление соответствующих «носителей оценок». Наличие у слов *крайне, весьма, удивительно, на редкость, необычайно* и др. «авторской» семантики исключает возможность их использования в чуждой говорящему модально-оценочной перспективе (т. е. по этому признаку модально отмеченная лексика сближается с модально-вводными словами). Попробуем сконструировать примеры, где явно выражено несогласие говорящего с приводимой им

точкой зрения, и мы увидим, что в них возможно нейтральное *очень* и некорректны «авторские» *весьма, удивительно* и проч., ср.:

Иван строит из себя *очень* (плохо: *весьма, необычайно, удивительно...*) *важную* персону; Иван вообразил, что он *очень* (плохо: *на редкость, ужасно...*) *обаятелен*. Ср. корректность употребления модально отмеченных интенсификаторов относительно; этих же оценок, но в «модальной перспективе» говорящего: Иван *весьма важная* персона; Он *на редкость ужасно обаятелен*. Если же предмет описания знаком говорящему, то возможность применения авторских оценок в случае не подотчетных говорящему ситуаций может быть ограничена. Так, используя *крайне* в отношении возможных действий второго лица, мы рискуем нарушить «суверенитет» собеседника: *Вам крайне необходимо уехать*. В этом случае лучше употребить модально нейтральное *совершенно*. Ср. еще: *Вам было бы очень* (плохо: *крайне*) *интересно его послушать*.

«Авторские» оценки описывают предмет речи под углом зрения конкретного говорящего (с позиций его личного опыта), поэтому они не используются относительно тех объектов, которые в принципе исключают «эмпирический фактор», в частности объектов, лишенных какой-либо индивидуализации. Поэтому в следующих высказываниях модально отмеченным наречиям мы предпочтем нейтральный — и поэтому универсальный! — показатель *очень*:

Даже *очень неосторожный* человек подумает, прежде чем сказать такое. (Ср. сомнительность фраз: *Даже крайне/необычайно/весьма! на редкость... неосторожный* человек подумает, прежде чем сказать такое.)

Как видим, слова с семантикой «знакомство» не приложимы к предметам, лишенным индивидуализации. Именно эта особенность определяет запрет на использование модально отмеченных синонимов наречия *очень* в контекстах типа: *Между прочим, князь, как это бывает с очень* (плохо: *весьма, удивительно, ужасно, на редкость...*) *миролюбивыми* людьми, наконец взорвался с неожиданной силой. (Ф. Искандер).

Таким образом, слово *очень* является универсальным (т. е. применимым к любой ситуации) -показателем большой степени признака, остальные же слова — это лишь «частичные варианты» (выражение А. Ф. Лосева) данного показателя, так как их употребление ограничено условием знакомства говорящего с предметом речи. Для каждого же из «частичных вариантов» их общее свойство модальной отмеченности является следствием каких-то частно-семантических (индивидуальных) особенностей.

Наречие *весьма*, согласно словарям, является книжным «дубликатом» слова *очень*. Так ли это? В чем специфика слова *весьма* по сравнению с *очень*, если отвлечься от вполне очевидных (не требующих специального лингвистического исследования) стилистических различий и пойти по пути конкретизации характеристики «модальная отмеченность», которая, как мы видели, присуща данному наречию?

Е. Кржижкова в работе «Количественная детерминация прилагательных в русском языке...» отметила общее свойство слов со значением «большая

степень признака»: они не употребляются в том случае, «если передаваемое посредством прилагательного качество объективно четко очерчено... Ср. некорректность сочетаний вроде *очень пустой стакан, очень новое платье*». Действительно, как и все интенсификаторы, наречия *очень* и *весьма* относятся к средствам выражения субъективных смыслов, но возможности у них разные.

Весьма не используется как прямой усилитель каких-либо физических признаков. Можно сказать: *очень красное яблоко; очень голубое небо* и плохо: ** весьма красное яблоко; *весьма голубое небо*. Попробуем показать языковую мотивацию данного запрета на примерах: Около десяти часов утра к главным воротам подошли три *очень длинных* и *очень обтекаемых* легковых автомобиля. (А. Солженицын). Здесь неуместно использование наречия *весьма* (**весьма обтекаемый автомобиль*). Напротив, мы предпочтем именно *весьма*, если прилагательное *обтекаемый* будет описывать не лежащий на поверхности непосредственного восприятия физический признак: *весьма обтекаемая формулировка*. Ср. также: *Сегодня очень тепло*. Сказать *Сегодня весьма тепло* неуместно с точки зрения современной нормы, но можно: Он *весьма тепло встретил нас*, поскольку в этом случае наречие *тепло* используется в переносном смысле. Аналогично: Он *очень* (**весьма*) *высоко* поставил вазу.— Он *весьма высоко* ставил этих поэтов; Город *очень* (**весьма*) *близко*:— Ключевые слова Веденяпина о смысле мировой истории ... *весьма близко* воспроизводят высказывание Федорова. (Б. Г а с п а р о в).

Невозможность интенсификации с помощью слова *весьма* очевидных физических признаков (т. е. того, что доступно непосредственному восприятию любого лица) объясняется тем, что в семантике этого слова содержится некое указание на автор-'скую интерпретацию информации, лежащей в основании высказывания, на специфически авторское видение ситуации. Поэтому, когда интерпретация в принципе невозможна, *весьма* не используется. Интерпретация же подразумевает нестандартность оценки — «прочтение» информации, лежащей в основании оценки, под авторским углом зрения. Это возможно, в частности, при переносном употреблении слова. *Очень*, разумеется, тоже содержит оценку, но она базируется на некоем коллективном стереотипе. Субъективность *очень* проявляется лишь в вопросе о «количестве» признака (один и тот же признак с точки зрения разных субъектов оценки может быть представлен как выраженный с разной степенью интенсивности). *Весьма* же передает нестандартную оценку; этот показатель способен даже преломлять признак, выражаемый прилагательным (наречием), в плоскость переносного осмысления. Например: *Весьма автономный* взгляд на вещи; образ жизни *весьма холостяцкий*; *весьма гвардейское* телосложение; *весьма аккредитованный* поэт (В. Шершеневич о В. Брюсове).

Очень не может быть таким модификатором — это наречие «совершает» лишь прямые градационные операции. Поэтому вполне закономерен выбор слова *весьма* в таком примере из «Лолиты» В. Набокова: Как тебе хорошо известно, меня ничто кроме

самых грустных воспоминаний не связывает со Старым, и *весьма гнилым*, Светом. Таким образом, будучи показателями субъективности, *очень* и *весьма* обладают разным смысловым потенциалом: *очень* — универсальный показатель большой степени признака, некая условная отметка на градационной шкале; *весьма* — слово со знаком индивидуального авторства, выдающее в высказывании присутствие говорящего. По-видимому, ощущение стилистической ненейтральности наречия *весьма*, зафиксированное в толковых словарях, связано именно с тем, что это слово неявно выполняет в высказывании функцию речевой характеристики говорящего.

Своеобразие «языкового поведения» *весьма* позволяет высказать осторожное предположение: может быть, это слово в современном его употреблении не является собственно градационным оператором? В самом деле, с одной стороны, там, где нужно просто повысить интенсивность (очевидного) признака, *весьма* не используется (**весьма красный*), с другой стороны, с неградуируемыми показателями (типа *автономный*) *весьма*, при определенных условиях употребимо. Возникает впечатление, что по отношению к описываемому признаку *весьма* выполняет функции некоей модальной рамки, индивидуального авторского «сопровождения»; ср. ироническую интонацию примера из В. Набокова; ср. еще: Была она *весьма посредственной* ундиной. (В. Набоков); Я увидел шарообразную глыбу, что-то вроде гигантского аквариума метров шестидесяти-семидесяти в диаметре, а может быть и больше (в космосе все размеры *весьма относительны*). (В. Войнович). Здесь наречие позволяет уловить некий модальный смысл типа «можете не сомневаться, я-то знаю на собственном опыте». Если мы в итоге определим *весьма* как показатель индивидуальной авторской интерпретации, то первые два слова в этом определении будут информировать о том, что оценка, выражаемая данным наречием, принадлежит говорящему и базируется на данных его личного опыта; последнее же слово (интерпретация) будет указывать на нестандартность проделанной говорящим оценочной процедуры, подразумевая тем самым некоторую субъективную модификацию имеющейся у говорящего информации.

В добавление к сказанному отметим еще одну особенность наречия *весьма* по сравнению с *очень*. Существует мнение, что *весьма* (в отличие от *очень*) имеет тенденцию к усреднению оценки. Так, Н. Д. Арутюнова (в монографии «Типы языковых значений. Оценка. Событие. Факт». — М., 1988) в качестве иллюстрации градационных «усреднителей» приводит именно *весьма*. По аналогичной причине И. В. Червенкова (в исследовании «О показателях меры признака (на материале русского языка)». — София, 1975) выделяет у *весьма* два значения — синонимичное и несинонимичное наречию *очень*: «*Весьма* может обозначать меру несколько более низкую, более, близкую к норме... Такое *весьма*? оказывается менее строгим и определенным, и к нему прибегают как к средству сгладить, прикрыть действительную оценку меры Р [признака. — Е. Я.]». Заметим, что

в подобной трактовке проявляется различие в «языковом ощущении» семантики наречия *весьма* по сравнению с прошлым веком — ведь В. И. Даль определял *весьма* как «более чем *очень*» (см. его «Толковый словарь...»).

Как «стремление к нейтралитету» можно расценить и возможность употребления *весьма* (в отличие от *очень*) с так называемыми «показателями серединной части шкалы» (термин Н. Д. Арутюновой) — словами типа *обычный, стандартный, средний*. Ср.: *весьма обычный/стандартный/средний* при сомнительности *очень обычный/стандартный*. Думается, однако, что различный потенциал наречий *очень* и *весьма* и в этом случае объясняется тем, что первое слово является градационным оператором (и поэтому не приложимо к тем признакам, интенсивность которых невозможно наращивать), а второе не выполняет собственно градационных операций. Как и наречие *совершенно*, в контексте оценок *стандартный, средний, посредственный*, слово *весьма* указывает скорее на степень авторского присутствия в высказывании, чем на степень описываемого признака.

Меньшая категоричность *весьма* по сравнению с *очень* отчетливо просматривается и в употреблении этого наречия с глаголами: сказать *Он весьма недолюбливает Ивана* лучше, чем *Он весьма не любит...* *Он весьма увлекается* «звучит» естественнее для современного носителя языка, чем *Он весьма любит*. Можно предположить, что и в этом случае наш выбор мотивирован интуитивным представлением о наречии *весьма* как о субъективном показателе авторской интерпретации: высказывания типа. *Он весьма любит/ненавидит...* лишены необходимой для корректного употребления меры субъективности. Правомерность этого тезиса подтверждает следующее сравнение. Можно сказать: *Я весьма опасаясь, что он все-таки придет* (где *опасаясь* описывает некоторое умозрительное предположение) и нельзя сказать: **Я весьма боюсь (ср.: очень боюсь), что он все-таки придет* (где *боюсь* свидетельствует об уже сложившемся мнении).

Как видим, словарная помета «книжное» в применении к наречию *весьма* не объясняет всей специфики употребления этого слова. В данном случае за стилистической пометой скрывается особая семантика слова.

«Авторская» оценка (=характеристика «знакомство») в семантике интенсификаторов может, подразумевать сравнение того, что описывается, с тем, что уже некогда было. Так, слова *удивительно, необычайно, на редкость, редкий* неявно свидетельствуют, что на фоне известных ' говорящему Подобных ситуаций описываемая выделяется по своим характеристикам, оценивается как исключительная. Ср.: *Борщ на редкость /удивительно/ необычайно вкусный; Иван редкий эрудит* (по сравнению с известными говорящему «рбычными» эрудитами). В силу такой семантики названные интенсификаторы не употребляются при описании ситуаций с заданными параметрами (не допускающими отклонений в сторону исключительности). Можно сказать: *Солнце здесь на редкость /удивительно/*

яркое/сильное/ мягкое и нельзя: * *Солнце на редкость/ удивительно высоко* (ср.: *Солнце очень высоко*). Для того чтобы употребление данных интенсификаторов было оправданным, сам фон сравнения должен быть очевиден, понятен собеседнику (слушающему). Если этого нет, фраза может быть неудачной: *Магазины открываются на редкость рано* (ср.: *Встал я сегодня удивительно /на редкость рано*). Осмыслению фразы мешает то, что собеседники знакомы со стандартными (общими для всех магазинов) часами работы. В том случае, если соответствующей унификаций нет (не принято), оценки *на редкость /необычайно /удивительно* будут вполне естественны, ср.: В Гронингене магазины открываются *на редкость/удивительно поздно*.

Мы рассмотрели наиболее яркие примеры в ряду многочисленных показателей большой степени признака. Как кажется, синонимика интенсификации хорошо иллюстрирует характер системных отношений отдельных элементов (слов) в рамках лексико-семантической группы: наряду с нейтральными в модально-оценочном плане — «общими», как бы сказал А. Ф. Лосев,— словами существуют их «частичные варианты», объединенные общим свойством «модальной отмеченности» (заведомой ориентации на реальную модальную плоскость высказывания) и дифференцированные по каким-то частно-семантическим, характеристикам (авторская интерпретация у *словавесма*; исключительность, неординарность у формы *на редкость*).